

С. С. АКАШЕВА

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОВЕСТИ «ГАУХАР ТАС» Д. ИСАБЕКОВА

В повести «Гаухар-тас» одного из крупнейших современных казахских писателей Д.Исабекова рассмотрены различные темы, связанные с философичным осмысливанием существования человека, с проникновением в его бытие. Эта тема рассматривается на вертикальном уровне как строительство человека через постижение им нравственных ценностей. Особое развитие получила в ней проблема семьи и образа отца, в решении которой заключены следующие темы и идеи: человека, его сущности и смысла бытия; власти и властных отношений в повседневной жизни; утраченного объекта, расставания, разлуки. Повесть порождает вопросы духовно-нравственного развития человека, его сознания, самосозидания, связанные с гендерной политикой в обществе. В ней показана обездуховленная жизнь чабанской семьи, выступающей как корень, как жизненное пространство, куда приходит молодая сноха. Живут здесь не злодеи, не лгуньи, не стяжатели, а простые, скромные чабаны, погруженные в нелегкий чабанский труд. В этой семье не принято проявлять эмоции, «недостойные мужчины», хотя те, кто это диктует, отец и старший сын Тастан, сплошь и рядом выказывают в поступках и словах отрицательные чувства. В семье все, по сути, разъединены и всем распределены роли под давлением отца, привыкшего к послушанию родных. Об этом, как бы невзначай, замечает мать, собирая младшего сына на учебу в далекий город: «И разве есть у них жалость? Своя кровинка, родной сынок на чужую сторону едет, а они – один мотается где-то, а другой спит» (с.262).

В повести преобладает экзистенциальный тип художественного мышления, позволяющий глубоко проникнуть в человеческую душу. Писатель раскрывает события сдержанно, через незначительные детали, естественные диалоги, в которых раскрывается глубина характеров и поступков персонажей, в бытии которых не усматривается определенный смысл. Во всем ощущается беспорядок, равнодушие, тревожность сознания, непонимание собственных слов и действий.

Во внешне благополучной чабанской семье чувства катастрофы стлаживаются образом повествователя, младшего брата Тастана, отзывчивого Каиркена, живущего напряженной внутренней жизнью. В его восприятии предстают события и персонажи. Тем не менее, образ повествователя не идентичен автору, поскольку рассказчик такой же персонаж, как и другие. Его экзистенциальные чувства проявляются в познании сущности бытия своих родных, их психологии в граничной ситуации. Мир семьи кажется ему обесчеловеченным. Причина такого понимания заключается в образах отца и «бесчувственного каменоги» брата, избравших неприемлемую для повествователя модель поведения. Он пропускает события, связанные с их поступками, с иронией или с нескрываемым гневом. Наблюдая за всеми и таким образом постигая мир семьи, где властвует разлад, он внутренне протестует против отца и Тастана, (« и вообще в доме становилось хорошо, когда Тастан с отцом уезжали куда-нибудь» (с. 279).

Любовь является одним из оснований в определении воли к жизни. Отсутствие любви – это смертоносный грех персонажей, порождающий гнев, ненависть, невнимание (показное ли?). В этом их вина и отчаяние. Медлительный, неприветливый, внешний человек Тастан, на взгляд же отца, султан джигитов, кроме любви к кокпару и эпосу об Алпамысе ничего не признает в жизни. Идеалом человека для него является эпический герой Алпамыс, совершенно не идентичный образу Тастана, обладающего физической силой, которой он не находит нужного применения. Тастан, не задумываясь о праве собственного выбора, покорно женится по воле своего отца, но и после свадьбы не интересуется той, которой суждено было стать его женой. «Я успел привыкнуть к многоголосому шуму той, и долго еще мне хотелось куда-то спешить, что-то делать. Но праздничных дел уже не было, остались будничные. А потому в душе закрадывалась тоска. Будто в безлюдной степи я остался один, – с горечью отмечает Каиркен. – Мне хотелось, что-

бы она почувствовала тепло и уют в нашей семье, а вместо этого ее постоянно окружал холодок» (с.270, 271).

Имя Тастан (в переводе с казахского языка – рожденный от камня, твердый, непробиваемый) не подразумевает в повести основание дома божьего на Земле. Его непробиваемость, окаменелость чувств исходит не только от подражания отцу, мужественного в суровости, в скрупульности слов и жестов, но и от собственного хамства и бескультурья. В Тастане нет и смирения, осознания своих недостатков, раскаяния, присущей чабанам мечтательности, философского осмысления мира. Он не в состоянии формировать семью по идеалу добра, слишком заземлен и нравственно не развит. Не любит родных, природу, людей, не понимает своей одичалости. И как злой дух сеет раздор, печаль, изгнание, смерть. Не случайно, мать называет старшего сына оборотнем, избившего жену за то, что без разрешения прокатилась на его Гнедом. Каиркен, понимая всю сложность их семейного уклада, связанного с поступками Тастана, некогда стопроцентного джигита, пытается найти моменты его перевоплощения: «Ведь был же он когда-то другим. Помню же я. И к отцу лънулся, а от матери и вовсе не отставал, товарищей у него полно было» (с.302). Тастан, придерживаясь позиции «мужественности», не становится драгоценным камнем, способным оказывать помощь в достижении звезд, и самому достичь нравственно-духовного развития. Он разговаривает с Салтанат насмешливо, с открытым презрением. Для него становится достоинством привычка называть жену «ненормальной», высокомерно посмеиваться над ее песнями, косноязычно иронизировать по поводу ее трудолюбия, хозяйственности, жизнерадостности. Отсутствие любви в Тастане ощущается как отсутствие души в нем. Тщетно девушка пытается пробудить в нем интересы к жизни, он остается непреклонным в своей твердости, грубости, жестокости, невежественности.

Духовное строительство Каиркена происходит не только через собственное достижение мыслей и поступков персонажей, но и через дружбу с Салтанат, которая восхищает его внутренней и внешней красотой, своей энергией. Он воспринимает жену брата как цельную личность, принесшую свет в их дом, как любовь, повлиявшую на эволюцию мыслей и поступков всех в их

семье. Поэтому он, как и Салтанат, верит в духовное рождение Тастана, в избавление его от пороков, таких как гневливость, грубость, апатия, бездушие, скепсис, внутренний разлад. Каиркен посвящает девушке стихотворение, в котором раскрывает ее благотворную роль в духовно-нравственной организации их семьи: «лаской своей внесла перемены в жизнь, что суровой была, милой приветливостью откровенной радость даришь очерствевшей душе, песней чудесною, нам посвященной в дом ты явилась к нам, В самое светлое сердцем влюбленная, жизнь ты вернула нам» (с.39). В образе Салтанат разрешаются вопросы разъединенной семьи, изменения состояния и переживаний персонажей из одного в другое. Ее эволюция происходит в разлуке с больной матерью и сестренкой-школьницей, которым она пытается помочь, выйдя замуж. С приходом Салтанат в чабанская семье происходят маленькие радостные перемены, в доме звучат песни, смех, шутки. Впервые Каиркен видит своего старшего угрюмого брата с домбрай в руках, да еще рядом с женой. Однако мать и Салтанат не являются объектами поклонения. Униженные и бесправные, они знают свое место, то, что «женщина в семье – обуза на шее», живут с ощущениями гнетущей пустоты.

Душа и тело Салтанат находятся в гармонии, в развитии, она творит доброту в этой семье, живя в любви ко всем. Девушка старается смириться с условиями своей жизни, уверена в будущем движении и изменении Тастана. Однако несовпадение образов заметно во всем. Тастан разрушает созидающую силу Салтанат, высмеивает и уничтожает ее стремление к равновесию, гармонии, взаимопроникновению, целостности. Нормой для нее он считает и тяжелый физический труд. Природа на берегу речки Аршабай, берущей начало с далекого Казыгурта, усиливает душевное состояние персонажей. Чтобы приблизиться к природе, наполненной светом, воспринимаемой как «часть человеческой души», избавиться от бесплодности ума, познать цель своего бытия, найти связи между собой и Тастаном, девушка пускается вскачь на его коне в степь. «На коне покаталась, душу отвела» (с.284). В этой одной фразе Салтанат заключены ее отчаяние от унылой жизни, желание бегства от Тастана, сопротивление его инертности, раздражительности, злобности. Невозможность

счастья она заглушает песней «Гаухар-тас», сидя на камне на вершине Каратумсыка, ставшего впоследствии ее надгробием. Песня Салтанат имеет традиционную символику в индивидуальном толковании: жемчуг – слезы. Веселье, смех, улыбка, шутливость и игривость девушки сосуществуют с мраком в семье.

В конфликт людей втягиваются конь Гнедой и красные шелковые кисточки для него, ставшие впоследствии для Тастана символом памяти о царственной Салтанат, круженье снега в буране, одинокий мазар, полынь, ночь, весна, жаворонок, ветер. Они рассматриваются как символы того, что в жизни все переменчиво, что отношения людей, даже самых близких, зыбки и не так уж надежны. Символы бурана, выюги традиционно являются метафорой «холодного сердца», вихря чувств персонажей. Их движение обозначено в снеге, «валившимся мятущимся хлопьями», в ветре, в буране. Образ «крошечного жаворонка, трепетавшего в вышине», также является символом, воплощающим недосягаемое для Салтанат. Конь согласно фольклорной традиции выступает добрым другом, на котором она чувствует себя вольной и счастливой.

Центральная фабульная линия «Гаухар-тас» соотносится с поисками Салтанат затерявшихся в непогоду овец и нашедшей укрытие в старой могиле. Там, ее, замерзшую и едва живую, находит Каиркен. В данном эпизоде раскрыт еще один бес смысленный поступок Тастана, который вместе с отцом (в чем проявляется их деградация) отправляет девушку пешком искать в не-проглядной бурянной свистопляске пропавших овец. Эта ситуация становится переломной в сознании Салтанат, в полной мере актуализировавшей ее беззащитность и жестокость Тастана. Девушка выявляет для себя неразрешимость коллизий и внутренне покорно самоуничтожается, чувствуя себя виноватой без вины или виноватой в разрушении своей души. Это прослеживается в реплике: «как-то все неинтересно стало... Хочется быть веселой, хочется посмеяться и не могу» (с.253). Могила, в которой зарывается Салтанат с найденными ею овцами во время свирепого бурана, олицетворяет ее ностальгию по родным местам, выступает как оппозиция ее жизни в семье Тастана, где зло выступает в персонифицированном виде прежде всего в нем.

Истинная жемчужина, чистая и светлая Салтанат наполняет еще неясным для Тастана и его родителей светом их обыденное существование. Однако «спасители» Салтанат, ее матери и сестренки, становятся поневоле и ее губителями. Смерть Салтанат от родов – это как принятие разлуки с Тастаном, во всем трагизме обнажающая для семьи истину утраты их духовной опоры, избавителя от экзистенциальной тревоги, одиночества, саморазрушения. И хотя как жемчужина она приносит им «слезы тоски», утраты надежд, но помогает своей смертью осознать их собственные поступки и возродить в них чувства великолепия жизни от понимания ее смысла.

Отделение от Салтанат становится изменением Тастана, осознавшего необходимость преодоления стереотипов в своем поведении, развитием в нем человечности, становлением его личности. Ему открывается истина, что в жизни нужно идти своим путем, быть самим собой, а не тем, кем не сможешь быть, осуществлять самому свой выбор на земле. Расставание с женой навсегда, от которой его не загораживал отец, но к которой он сам относился равнодушно или с презрением, переживается персонажем не просто как тяжелая травма, но и как необходимость идти вперед по иной дороге, не по той, по которой он пошел ошибочно, учиться слышать и чувствовать другого. Утрата любви Салтанат является для него переживанием, выражением и пониманием, открывшими смысл жизни. Отец, олицетворяющий власть, авторитет, традицию предков, убежденный, что если он умрет, все в доме «перегрызутся», в итоге сам отрицает власть отцов, прида к своей правде, что все в жизни подвергается движению и изменению, что бытие и светлые переживания безвозвратны: «Если все в мире будет решаться волей отцов, не замрет ли жизнь на земле? (с.310).

Смерть Салтанат – это как второе рождение Тастана и его отца, как спасение от духовного распада, как учитель, обучающий любить жизнь. В повести прослеживаются идеи совиновности, где «всяк да виноват», где возмездие ждет каждого виновного. И виноватой предстает даже бесправная мать, заботы которой не нужны ни мужу, ни Тастану, не сумевшая защитить, сберечь Салтанат.

Повествование не является самовыражением рассказчика, утверждением его взгляда на

образы всех, причастных к жизни Салтанат. Но через его признания и чувства особенно остро переданы в повести мотивы утраты и разлуки. Тастан и его отец, устроители хаоса и печали в своем низовом пространстве, одиноки в восприятии горя. И одинок Каиркен, не сторонний наблюдатель событий. Но в этой ситуации он по-новому осмысливает сущность родных, но противоположных людей, ощущивших вдруг свою беспочвенность. Как оценить поступок Тастана, подобно темному беркуту сидевшему на вершине сопки, где обрела вблизи небесного пространства свой последний приют и покой та, которую ему было не понять, и чей чистый дух был уже в этом пространстве? Повествователь прозревает пробуждение души Тастана, восхождение к постижению самого себя, к творчеству человека, к способности видеть свет. Прощаясь с могилой девушки, рассказчик видит солнце, кото-

рое «пробившись сквозь высокие облака, широким лучом легло на Аршабай и заискрилось золотой чешуей в его волнах» (с.311). Фольклорно-эзотерический символ солнца как созидающей стихии, напоминает ему о Салтанат, жившей с улыбкой.

В восприятии их общей семейной утраты он видит не различие, а сходство, и то, что «крайности сходятся» (Л. Толстой). В этом объединении отца и сыновей уже происходит их просветление и животворящее начало.

Так, писателем рассматривается одна из ключевых идей: духовный кризис семьи влечет за собой духовную гибель нации, ее истории и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исабеков Д. Гаухар тас /Пер. Л.Космухамедовой, В.Берденникова // Смятение: Роман и повести.- Алма-Ата: Жалын, 1986.